

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В.В.ВИНОГРАДОВА

ЭТИМОЛОГИЯ

2000-2002

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Ж.Ж. ВАРБОТ

МОСКВА
НАУКА
2003

- та на съвременния българин не е достатъчно убедително" (Предговор към четвърто издание // БТР⁴ 5).
- ⁸ Об этом словаре пишет Р. Русinov в своей книге "История на новобългарския книжовен език". Велико Търново, 1999, 206–211. Академическая история языка не обсуждает заслуг Богорова как лексикографа.
- ⁹ Эту фамилию носят многие жители Воеводины, в чем можно убедиться из телефонного справочника Воеводины (как автономного края в составе Федеративной Республики Югославии).
- ¹⁰ *Лалевић М.С.* Синоними и сродне речи српскохрватског језика. Београд, 1974, 399: *тишима, павала*.
- ¹¹ *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. II: Vergleichende Stammbildungslehre der slavischen Sprachen. Wien, 1875, 234.
- ¹² Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак / Пад рэд. М.А. Жыдовіч. Мінск, 1974, 173.
- ¹³ *Daničić Dj.* Korijeni s riječima od njih postalijem u Hrvatskom ili Srpskom jeziku. Zagreb, 1877, 84.
- ¹⁴ *Miklosich F.* L.c.
- ¹⁵ *Лукконен К.* Восточнославянские отглагольные существительные на *-m-*. Т. I. Хельсинки, 1987, 194.
- ¹⁶ *Miklosich F.* Op. cit. 234–236.
- ¹⁷ С параллельным употреблением суф. *-bha* и *-ta* мы, возможно, столкнемся в словах *gurbha* и *gurta*, если будем рассматривать их как дериваты от **guriti* (ср., с другим вокализмом, *žuriti*). Что касается этимологии, см. ЭССЯ 7, 177–178. А.С. Мельничук (Етимологічні розвідки. 2. *юрба, гурба – юрма, гурма* // Слово і труд. До сімдесятиріччя академіка Івана Костянтиновича Білодіда. Київ, 1976, 163–167) считает интересующие нас слова заимствованиями из тюркских языков: "Е підстави твердити, що розглядуване слово в різних його фонетичних формах з'явилося у слов'янських мовах як запозичення з тюркських мов" (*Мельничук А.С.* Указ. соч. 165).

Перевел с польского А.А. Калишников

Я. Влаич-Попович

К РЕКОНСТРУКЦИИ ТРЕТЬЕГО ПРАСЛАВЯНСКОГО ОМОНИМА *KOSA

'AGGREGATIO EROSIONIS FLUMINIS; PROMONTORIUM'

Гапаксы в отдельных славянских языках – это слова, к которым этимолог подходит с осторожностью, пока не установит относительно сомнительных примеров, являются ли они результатом ошибок или же драгоценными подтверждениями определенных форм, которые представляют недостающее звено некой словообразовательной или семантической цепи, так что в сравнительно редких, но чрезвычайно ценных случаях, они дают возможность установить

праславянские изоглоссы (т.е. изолексы). Тогда можно приступить и к дальнейшему продвижению в исследовании (прежде всего сравнительном, общеславянском и праславянском) славянской лексики, а также лексики отдельных языков или их говоров.

К этой второй категории гапаксов может относиться с.-хорв. *коса* ж.р. ‘речной эрозионный нанос’, записанное в конце XIX в. в окрестностях Дубровника: “*Kosa je u пуку одуљи ратац камења, жала, земље и пржине, што нанесу потоци*”. Точность этой дефиниции и репоме сделавшего запись¹ не оставляют места для сомнения в достоверности этой записи, и в этом отношении особенно ценно замечание, что это слово народное (“у пуку”).

В с.-хорв. языке это существительное совершенно изолировано, и РСА – единственный лексикографический источник, который его отмечает², но не выделяет в отдельную статью, а классифицирует как последнее, областное, значение географического апеллатива *коса*³ ж.р. *genus montis, montis clivus*, вообще широко распространенного на штокавской территории. Так как этот, в сербохорватском языке третий омоним (наряду с парой *коса*¹ ‘*coma*’ и *коса*² ‘*falx*’, известной почти всем славянским языкам) не имеет ни одного удовлетворительного этимологического решения³, ясно, что и для примера из Дубровника объяснение следует поискать в ином месте, на более широком славянском фоне.

Когда в дальнейшем изложении мы говорим об омонимах, то имеем в виду классификацию Балли, согласно которой они делятся на этимологические и семантические, соответственно на “подлинные” – этимологически совершенно различные слова, формы которых под воздействием фонетических закономерностей с течением времени случайно совпали, и “ложные” – они появились в результате функционального и смыслового расхождения близких значений одного слова (Bally, 44; Аникин, 9)⁴.

Если повнимательнее посмотрим на основную омонимическую пару *kosa* ‘*coma*’ и *kosa* ‘*falx*’, то увидим, что и относительно ее не все ясно. А именно – оба существительных в настоящее время чаще всего интерпретируются как поствербальные с -о- вокализмом от праслав. глагола *česati < и.-е. *kes- (ЭССЯ 11, 131–135, здесь же обзор других толкований), но некоторые детали, касающиеся второго омонима, остаются неясными⁵.

Интересно, что, хотя почти во всех славянских языках присутствуют оба этих существительных (ср. ЭССЯ, там же), в большинстве языков этим омонимия не исчерпывается ни в литературном языке, ни, в еще меньшей степени, в говорах. Среди многочисленных значений одни являются общими для многих языков, другие же засвидетельствованы только локально. В соответствии с их современной аистрибуцией на славянской территории (с учетом оппозиции: лите-

ратурное – диалектное) можно судить о том, какие из них могли бы считаться праславянскими (1), какие являются праславянскими диалектизмами (2), какие – плод более новых независимых эволюционных процессов как в отношении к “прозрачным” метафорам (3), так и к образованиям, по-видимому, неясного происхождения (4), а какие – возможные заимствования (5).

1. Самый широкий географический и семантический диапазон, что указывает на праславянское происхождение, имеют соответствия с.-хорв. гапаксу *kosа* ‘продолговатый мыс из камней, земли и песка, нанесенных потоками воды’, но это до сих пор не замечено и в целом не описано. Вероятно, именно из-за незнания этого примера со славянского юга, недостаточно внимания уделено и сходному слову из словенского языка: *kōsa* ‘мель, пережат, где течение изгибается’. Так как эта старая запись Штрекеля несомненно достоверна⁶, нет необходимости выяснять источник, подтверждающий современный географический термин *zemeljna kōsa* ‘продолговатая песчаная отмель, которая замыкает залив или озеро’⁷, но можно заключить, что сущ. **kosa* ‘*aggregatio erosionis fluminis*’ в настоящее время засвидетельствовано в двух южнославянских языках – словенском и сербохорватском⁸. Восточнославянские свидетельства несравненно многочисленнее и разнообразнее, хотя в словаре Даля в начале статьи *коса* помещено значение ‘узкая, косая полоса клином’, уменьш. *кóшка* (< *кóска*) ‘длинная песчаная отмель, идущая клином, грядой от берега’ (в современных словарях русского литературного языка это третий омоним после ‘*сота*’ и ‘*falx*’), Фасмер это значение вообще не отмечает⁹. Точно так же и ЭСБМ (4, 290–291) среди четырех омонимов¹⁰ не регистрирует блр. диал. *кoсá* ‘песчаный нанос в реке’ (Тураўскі слоўнік 2, 223) и *касá* ‘отмель, коса’ (Гомель, ср. ЭССЯ 11, 178). ЕСУМ среди четырех украинских омонимов¹¹ также не выделяет значение ‘узкая полоса суши, мыс’ (а помещает его под ‘*falx*’) и не приводит подтверждения украинского диал. *коса* ‘низменность возле речки, небольшая отлогая насыпь песку возле реки’ (Полесье, ср. ЭССЯ 11, 178). Все эти восточнославянские формы вместе со словен. *kōsa* ‘мель, пережат’ (и многочисленными другими лексемами с иными значениями во многих слав. языках) помещены в ЭССЯ (11, 177–178, 141) в статью **kosъ(jь)* и истолкованы как субстантивация этого прилагательного в женском роде. Таким образом ни одно из данных значений не получает статуса самостоятельного слова¹² праславянской древности даже независимо от конкретного этимологического толкования его происхождения¹³. Несмотря на содержательную и конструктивную дискуссию (которая касается диалектной этимологии или специфической семантики), вопросы конкретного образования, реальных возможностей субстантивации прилагательного в отдельных языках тут не рассматриваются¹⁴. Не приводятся

также все собственно русские диалектные свидетельства. Отсутствуют, напр., *kosá* 'скопление в реке сплаваемых бревен, залом' (олон., ленингр., арханг.), 'сугроб, полоса наметенного снега'; здесь следует учесть и другие формы, с суффиксами, деминутивными или какими-л. иными: *kosíца* 'длинный узкий снежный нанос, сугроб'¹⁵ (яросл., ряз.), 'неровный изогнутый сугроб' (калуж.), *kosíчка* 'небольшая узкая отмель' (терск.), *koska* 'вытянутая отмель, коса; островок' (терск.) (СРНГ 15, 44, 53–55), *kosúха* 'песчаная отмель' (арханг., калуж.), 'место скопления сплавного леса на реке' (арханг.) (Там же, 92), *kosop* 'узкая коса, мыс' (калинингр.) (Там же, 67). К этой группе относятся и другие диалектные формы: *kosíшка* 'песчаная или каменистая отмель, песчаная коса на взморье, низменный морской берег у подножья горы, узкая полоса земли, заключенная между морским берегом и текущей параллельно ему рекой, поросший ивняком низменный остров на реке Северной Двине' (Там же, 149)¹⁶, а также *zakós* 'небольшая речная коса, отмель' и *zakóska* 'глубокое место между двумя мелями', *zakósки* мн.ч. 'песчаные дюны (начинающиеся обычно за косой)', *zakósok* 'песчаная отмель, идущая от берега в стрежень реки; коса' (перм., волж.), 'малая речная коса' (иркут., якут.), 'речная отмель' (горно-алт.), 'отмель у берега' (том.), 'речной мыс' (якут.), 'участок луга в виде мыса, огибаемого ручьем' (псков.), 'глубокое место реки между берегом и узкою мелью' (волж.), 'речной залив между косами' (урал., каракалпак.), 'тихое, удобное для ловли рыбы место у берега реки, отделенное чашей' (иркут.) (Там же, 10, 157–158)¹⁷.

2. Блр. *kosá*, укр. *kosá*, рус. диал. *kosá* 'селезенка' (Там же, 11, 45) вероятнее всего представляют собой восточнославянский диалектизм¹⁸.

3. Рус. диал. *kosá*, точнее – мн.ч. *kosы* 'вытянутые длинными полосами облака, полосы дождя, северное сияние' (все – арханг.) (Там же, 15, 44) – безусловно, лишь явные метафоры к основному значению 'cosa', сюда же специфическое значение 'коса (о волосах)', как и блр. *kosá* 'луч' (ЭСБМ 4, 291) или укр. *kíска* 'канат, веревка'¹⁹, тогда как метафора *kosы* 'пена на пиве, квасе, огуречном рассоле' (влад., СРНГ, там же) основывалась, скорее, на сходстве с короткими кудрявыми волосами. Точно так же с.-хорв. *kosá/kosíца* 'жила, сухожилие' (Skok II, 161; РСА X, 294) и укр. *kosa* то же (ЕСУМ 3, 49) – вероятно, метафоры к основному значению 'cosa' (конкретно – 'пряжи, похожие на волокно, из них плетется коса'), которые развились независимо в обоих языках или были унаследованы с праславянского периода и сохранены в двух отдаленных областях славянского пространства.

4. Затем с.-хорв. *kosá*³ 'montis genus, dorsum montis, clivus', судя по всему, – плод специфического локального семантического разви-

тия²⁰), как и другой с.-хорв. диал. гапакс чакав. *kósa* 'ущелье' (Брусье на Хваре) (Dulčić J. i P. 508).

5. И, наконец, болг. *kosá* 'узкая полоса наносного песка в мелком морском заливе, в устье рек или между морем и озером' и польск. *kosa* 'коса, "пересыпь", при отсутствии свидетельств из "живой" народной речи, интерпретируются как заимствования, "учени русизми"²¹.

Соответствующие этимологические словари с разной степенью полноты фиксируют эти формы и при этом по-разному оценивают, когда метафора переходит в омоним, а когда остается связанной с основным значением (напр. в ЭСБМ 4, 291 отдельно помещен омоним 'луч' с комментарием, что это "чыста метафарычны перанос ад каса"¹; в ЕСУМ 3, 49 значение 'жила, тетива' также обособляется, а целая семья родственных лексем со значением 'мыс' помещается под 'falx').

Вследствие невозможности исследовать здесь полностью лексико-семантический комплекс континуант праслав. **kosa* на всей славянской территории, сосредоточимся на сущ. **kosa* 'отмель, мыс и т.д.' и укажем некоторые аргументы в пользу того, что оно реконструируется не как метафора и не как производное от прилаг. **kosъ(jb)*²², а как третий праславянский омоним.

А) Прежде всего сущ. **kosa* 'отмель и т.д.', не должно, а, вероятно, и не может, быть метафорой, но зато может быть изначально самостоятельным словом, омонимом²³. Совокупность этих "географических" значений: 'мель', 'отмель', 'мыс', 'перекат', 'Landsee Insel, Werder'²⁴, 'низменность возле речки', 'скопление в реке сплавляемых бревен, залом', 'сугроб' и т.д. охватывает различные по внешнему виду реалии. Этот семантический диапазон слишком далек и от значения 'soma' и от названия специального тонкого, кривого и острого сельскохозяйственного орудия – 'falx', чтобы между ними могла быть установлена ясная и недвусмысленная формальная или функциональная связь, которая обусловила бы развитие метафоры²⁵. Словом, нет более никаких сомнений для отделения 'falx' от 'soma', а 'promontorium' – от них обоих. Иначе метафоризация попадает в заколдованный круг²⁶.

В) Бесспорно, что, даже согласно самым строгим критериям праславянской реконструкции, слово, которое засвидетельствовано в пяти языках – трех восточнославянских и двух южнославянских – и при том не является новым заимствованием во всех них, безусловно, может быть праславянской лексемой. Именно дистрибуция этого географического апеллатива в каждом отдельном языке, его явно диалектный характер (везде, кроме русского и украинского, где он вошел в литературный язык) приводит к заключению, что это реликты (неодинаковой частотности, с отчетливо выраженным цент-

ром на русско-украинской территории, которая изобилует именно такими разновидностями речного рельефа). В течение всего периода существования этого термина с праславянской эпохи до настоящего времени во всех языках сохраняется семантическая константа 'песчаный нанос', что весьма существенно для выяснения и истолкования его происхождения.

С) Из двух предыдущих разделов ясно, что сущ. *kosa 'отмель', несмотря на то, какое окончательное этимологическое решение принимается, обязательно нужно выделять как особую праславянскую лексему. (Впрочем, kosa 'falx' не имеет надежного общепризнанного решения, и тем не менее всеми словарями это слово трактуется в отдельной статье.) Так как в разделе А мы уже привели аргументы против истолкования этого существительного как метафоры, остается еще рассмотреть вопрос, производить ли "общий знаменатель" всех его значений от прилаг. *kosъ(jь) (так ЭССЯ, там же) или же существует лучший способ, чтобы объединить их относительные различия. Прежде всего нужно констатировать, что нет формальных препятствий для объяснения, что *kosa 'отмель', как и два других омонима, но независимо от них, образовано от многозначного глагола *česati – и значит оно может быть помен resultativum (помен acti), основанном на значениях 'скрести, рвать, драсть, сдирать': 'соскребание, сдиранье' → 'результат соскребания (речного дна)', т.е. 'то, что соскреблено' → '(песчаный) нанос' и, вероятно, – 'снежный нанос, сугроб'²⁷. Этот омоним – отдельное образование, основанное на одном сегменте синкретичной семантики глагола *česati, который охватывает, между прочими, значения 'скрести, сдирать, обдирать, рвать, разрывать, щипать, резать, крошить, дробить и т.д.'²⁸. Все это пазвания действий, с помощью которых описывается, как речное течение формирует русло реки, образуя в устье или излучине нанос мелких частиц, меняющий форму, которую определяет также течение реки. Словом, мы полагаем, что ключевым моментом при образовании этого географического апеллатива был не внешний вид называемого объекта (который, впрочем, даже редко упоминается, за исключением русского 'вытянутый (но не кривой), клинообразный мыс'), а представление говорящего о способе, с помощью которого образуется этот вид рельефа (песок, осадочные отложения, скопление, нагромождение, мель, отмель и др.). Такое наименование имеет типологические параллели (семантические и, в разной степени, словообразовательные): с.-хорв. *pm*, диал. *pat* 'арех; promontorium' < праслав. *rъtъ, вероятнее всего < *ryti/*rъvati (Skok III, 162; Фасмер III, 506–507)²⁹, праслав. *mělъ/*meľь 'известь; мелкий песок; песчаная отмель; пасынь и т.д.' < *mclti (ЭССЯ 18, 162–166) или *lomъ ('куча предметов, нанос из веток, сучьев; место в озере, где набросан хворост, скопление бревен,

стволов деревьев на воде, иногда перегораживающее реку; нагромождение льда на мелких местах или на берегах и т.д.) < **lomiti* (ЭССЯ 16, 25–26), рус. *сугроб* < **gresti* (Цыганенко 95)³⁰. В кругу производных праслав. **česati* очень близкую семантику (но иную словообразовательную модель) демонстрирует праслав. *kaša* ‘крупа и т.д.’ (ЭССЯ 9, 159). Еще один выразительный синоним к этому существительному – рус. *мыс* ‘часть суши, острым углом или резко выдающаяся в море, озеро, реку’, ‘излучины реки, выдающаяся в реку коса’, ‘остров’, ‘сухое место в болоте’, ‘большой сугроб’, и т.д. не имеет надежной этимологии³¹ и не может использоваться для аргументации.

Следовательно, так как, с одной стороны, существует реальная возможность для реконструкции праслав. **kosa* III ‘отмель, мыс; (полу)остров’, тогда как, с другой – это слово в настоящее время в народных говорах большинства славянских языков демонстрирует свой реликтовый характер или вообще в них отсутствует (на западе оно не зарегистрировано, на части южных территорий подтверждено только гапаксами из XIX в., на востоке на одних территориях отмечается только как диалектное, на других ... наличествует и в литературном языке), можно заключить, что оно представляет собой еще один пример исчезновения слова во избежание омонимии. Причиной массового сохранения на востоке, вероятно, является вторичное переосмысление подлинной омонимии как метафоры, точнее – метафор, так как значения ‘отмель, мыс; сугроб; залом, куча’ не могут четко и однозначно связываться ни с одним из двух омонимичных существительных – отсюда и блуждания как в области “народной”, так и специальной этимологии, где это слово в массовом порядке не зарегистрировано³².

Примечания

¹ *Luka Zore*. Paljetkovanje, deo 2 // Rad Ja 110. Zagreb, 1892. 217.

² Поскольку оказалось, что это слово не вошло в соответствующий V том RJA (Kirak-Ieken), нет его и у Скока.

³ Ср. примечание 20.

⁴ Чрезвычайно ценен составленный Аникиным список праславянских омонимов, часть которого (на основе опубликованных до того времени 12-ти томов ЭССЯ от *a-* до *k-*) является относительно окончательной, а другая (на базе материала для остальной части ЭССЯ от *l-* до *z-*) – предварительной.

⁵ Хотя мнение прежних авторов, включая Фасмера, которые **kosa* ‘falx’ связывали с др.-инд. *śāsati* и лат. *castrare* или с др.-инд. *kākṣā* ‘подмышка’ и т.д. (Фасмер II, 345; относительно деталей ср. ЭССЯ, там же) отклонено, но и после исчерпывающего и в основном очень убедительного исследования Мельничука все же остается неясным, “к какому из древнейших аспектов семантики корня **kes-*/**kos-* ближе всего примыкает первоначальное значение славянско-

го слова *kosa*" (*Мельничук* 224–228), ср. и комментариев по поводу заключения Мельничука о первичности значения 'обрубленная жердь' в ЭССЯ, там же). Попытку с помощью анализа акцента объяснить семантическое различие между этими омонимами Аншкин прокомментировал лишь выводом, что генетически это, однако, тождественные образования и что различие между ними требует, как кажется, другого истолкования (*Аншкин*, 21–22). И Войтыла-Свержевска убеждена в этимологическом тождестве этих двух слов, хотя подчеркивает загадочность семантики второго из них, которая не имеет параллелей вне славянского мира (*Wojtyła-Swierzowska M. Prasłowiańskie abstractum. Słowotwórstwo. Semantyka I. Formacje tematyczne. Seria: Prace slawistyczne Instytutu slawistyki PAN 96. Warszawa, 1992, 141*). Таким образом, можно считать, что это несомненный случай семантической, а не этимологической омонимии.

⁶ На это указывает уже заголовок данной заметки, появившейся всего спустя два года после работы Золе: *K. Štrekelj. Slovarski doneski iz živega jezika narodovega. Letopis Matice slovenske. Ljubljana, 1894, 20*. Так как из данной статьи не сделаны выписки для Этимологического словаря Безлая, эти драгоценные диалектные записи были бы потеряны для славянской этимологии, если бы не были включены в ЭССЯ.

⁷ Современный SSKJ по обыкновению не указывает источники, из которых берет примеры, однако нет оснований думать, что это не навигационный термин: *kosa* '(в прежнее время) устройство на либуриях [легких судах. – *И.П.*] для перерезания (рубки) каната, который держал мачту' (помещен под *kósa* 'falx') и считать заимствованием (как то в болгарском или польском языке, см. примечание 21).

⁸ В отношении болгарского см. примечание 21.

⁹ Хотя это слово он приводит как *мель* III и определяет как 'песчаная коса, мелкое место' (*Фасмер II, 596*).

¹⁰ Наряду с общеславянской парой, еще 'селезенка' и 'луч'.

¹¹ Кроме основной пары, еще 'селезенка' и 'жила, сухожилие'.

¹² В отдельную статью помещает их Шанский (II, 344), который, вслед за Супруном, истолковывает их в качестве производных от основного значения 'coma' в смысле 'что-л. кривое', т.е. 'все, что похоже на хвост, женские волосы'.

¹³ Единственным исключением является реконструкция праслав. **kosina*, которая также производится от **kosъ(jь)*, но дается самостоятельно, и среди конгинуант которой нашлись как рус. диал. *косинá* 'косоглазие', так и *косина* [без ударения] 'длинная узкая отмель, идущая от берега' (ЭССЯ II, 141). Если первое существительное, безусловно, тут уместно, то второе, вероятнее всего, – нет.

¹⁴ Для сербохорватского, положим, остается открытым вопрос акцента, так как нет следов синтагмы, которая путем универбизации дала бы ожидаемое **kǎsa*. -и (< **kǎsa*, -aj < **kǎsa gǎra*, с утратой склонения прилагательного определенного вида, но с сохранением у него характерного метатонического ударения) вместо реального *kǎsa* < **kosij*. Такое ударение могло бы ожидать только у прилагательных, очень рано субстантивированных, до праслав. метатонии (что в случае с нашим существительным, которое мы считаем с. хорв. инновацией, не было случайным).

¹⁵ Ср. примеры: *Всю дорогу п е р е м е л о* косицами: *Пойдет ураган, н а н е с е т* косицы – знаменательно то, какие глаголы здесь используются.

- ¹⁶ Относительно распространенности *-ш-* (которое, несомненно, из основы настоящего времени) ср. *кошатиць* 'бодать' (ленингр.) (< **kos-ja-ti*), *кошилы* 'нерасчесанные, спутанные волосы' (курск.), *кошлатый* 'косматый' и т.д. (Там же, 151).
- ¹⁷ Несмотря на то, что ожидаемый глагол *закосить* в соответствующем значении не засвидетельствован, относительно непосредственно отлагольного происхождения этих форм не следует сомневаться (ср. акцент этих существительных – на корневом гласном, а не на префиксе, как бывает у универбизованных предложных синтагм, напр. *закосы* 'затылок у женщин' (Там же, 159).
- ¹⁸ В проблему их происхождения мы здесь углубляться не будем, ср. различные толкования в ЭСБМ 4, 29; ЕСУМ 3, 49 и ЭССЯ II, 179.
- ¹⁹ Эти значения приводит Желеховский, но их нет в ЕСУМ. Оттуда, вероятно, и укр. диал. *коса́* (в загадках) 'фитиль' (бойковский говор, *Онницьевич М.Й.* Словник бойківських говірок, I. Київ, 1984, 380).
- ²⁰ Подробное исследование, в котором ставится под сомнение, что это метафора основного *кóса* 'coma' (Skok II, 161) или более новое образование от прилаг. **kosъ(jь)* путем субстантивации формы женского рода, и предлагается возведение к географическому термину, которому посвящена данная статья, см. в нашей работе в *ЖФ LVIII* (в печати).
- ²¹ Первое встречается только в специальной литературе (ср. РБЕ 8, 70; БЕР 2, 655), а второе – новое литературное слово (Slawski II, 517).
- ²² Так, напр., ЕСУМ и Шанский (Там же), соответственно ЭССЯ (Там же).
- ²³ Мы имеем в виду семантическую омонимию, которая подразумевает, что "deux ou plusieurs sens d'un même mot ont perdu tout contact entre eux" (*Bally, ibidem*).
- ²⁴ Эти значения приводит только Желеховский, в ЕСУМ они отсутствуют.
- ²⁵ При этом мы не упускаем из виду, что в географической терминологии существует много апеллативов, происхождение которых связано с другими терминологическими сферами: анатомической, ткацкой, терминологии домашней утвари, обстановки и т.д. (напр., с.-хорв. *грло, ждрело* 'Engpass', *брк* 'Landzunge'; *брдо* 'Berg', *гребен* 'Gebirgskamm'; *чабар, казан* 'Talkessel', ср. *Schütz* 44–46, 81; 20, 28; 39 и т.д. – такое же или сходное положение в большинстве других славянских языков), но не (кроме исключений) с сельскохозяйственной (ср. **lorata* ЭССЯ 16, 39–43).
- ²⁶ Теоретически можно было бы защищать даже мнение о том, что острие косы походит на локон, прядь волос – что аннулировало бы всякую омонимию, но об этом в настоящее время никто не говорит (хотя так Slawski II, 516–518). Правда, Шанский (II, 344), вслед за Супруном, значение 'отмель' производит от 'волосы', буквально – 'нечто изогнутое', т.е. 'всякая вещь, похожая на хвост'. Однако ЕСУМ дает это слово без комментария под 'falx'.
- ²⁷ Не надо упускать из вида, что каждый из двух других поствербальных образований также продолжает какой-то один аспект семантики этого многозначного глагола: **kosa* 'coma', несомненно – *poimen resultativum*, базирующийся на значении 'чесать, расчесывать', словом, 'то, что расчесывается (а потом и плетется, заплетается)', тогда как **kosa* 'falx', вероятнее всего, – *poimen instrumenti*, базирующийся на значении 'сесть, рубить, резать, дробить, мельчить', следовательно, – 'инструмент (орудие) для резки, рассекания, рубки, дробления и сл.' И, несмотря на все сомнения и недоумения (ср. при-

- мечание 5), такое простое объяснение второго омонима представляется нам наиболее убедительным. Ср. и другие *potina instrumenti*: с.-хорв. *kósiца* 'гончарный инструмент для размельчения земли' (Лесковац, РСА), словен. *kósa* '(в прежнее время) устройство на либурнах для перерезания (рубки) каната, который держал мачту' (см. примечание 7) или *poten resultativum* с.-хорв. *kósa* 'ущелье' (Брусье), следовательно, — 'то, что просечено, прорублено, прорезь, пророска'.
- ²⁸ Исчерпывающий список этих значений см. у: Мельничук, 203, затем соответствующие значения, которые могут реконструироваться для праслав. **kositi*, см. у: *Vlajuh-Popovich J.* Семантика као критеријум у формирању етимолошког гнезда // *Prasłowiańszczyzna i jej gozrad.* Warszawa, 1998, 257–259.
- ²⁹ Имеет значение далее и формально-семантический параллелизм производных от глаголов **česati* и **ryti/*rъvati*, ср. **kosa* < **česati*: *runo* < **rъvati* и т.д.
- ³⁰ Относительно значения 'нанос' ср. и с.-хорв. *naбој, убојина* 'сугроб' < **hiti*, **hijem*, как и примеры из примечания 15.
- ³¹ Ср. реконструкцию вост.-слав. **mysъ/*mysa*, **mysъкъ* 'promontorium, (pen)insula' и т.д. (ЭССЯ 21, 52–54), образование которых от ю.-слав. глаголов **muxati/*mušiti* 'ударять, бить' и т.д. (ЭССЯ 20, 174, 200) встречает серьезные формальные препятствия, хотя и глагол и сущ-ные приводятся в связи с лит. *mušti* 'ударять бить', ср. соответствующие словарные статьи в ЭССЯ. На уровне спекуляции было бы предположение о возможном первоначальном ***myxъ* (**myxa*), которое было бы переоформлено путем обобщения *-s-* из локатива ед.ч.: **myxъ* < *(*na*)*mysъ* 'на мысу'.
- ³² Впечатляет число этимологических словарей, которые, хотя *kosa* в языках, описываемых ими, достоверно подтверждено, не упоминают его. — Фасмер, Безлай, Скок, ЭСБМ (в отличие от польск. и болг. заимствований, которые Славский и БЕР в соответствующих словарных статьях регулярно отмечают). Нет его и в известных монографиях, которые посвящены славянской географической терминологии: Толстой Н.И. (Славянская географическая терминология. М., 1969) не рассматривает этот вид рельефа, а Шютц в разделе *Sandbank* и *Landzunge* не дает сведений о с.-хорв. *kósa* 'продолговатый мыс' (*Schütz* 79, 81).

Литература

- Аникин — Аникин А.Е. Опыт семантического анализа праславянской омонимии на индоевропейском фоне. Новосибирск, 1988.
- Мельничук — Мельничук А.С. Корень **kes-* и его разновидность в лексике славянских и других индоевропейских языков // *Этимология*. 1966. М., 1968.
- Проспект ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи. М., 1963.
- Цыганенко — Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. М., 1963 —.
- Bally — Bally Ch. *Traité de stylistique française*, I. Genève; Paris, 1951.
- Dulčić, J. i P — Dulčić J., Dulčić P. *Rječnik bruškog govora* // *Hrvatski dijalektološki zbornik VII*, 2. Zagreb, 1985.